

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Н.П. ОГАРЁВА»
(ФГБОУВО «МГУ им. Н.П.Огарёва»)

РЕДАКЦИЯ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ

ул. Большевикская, д. 68, ком. 1205, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005,
телефон/факс (8342) 48-14-24

на № 14.03.2022 № 13/03
от _____

Справка

Дана А. О. Блинковой в том, что ее статья «Как измерить духовность? Обзор новых методик исследования духовности» будет опубликована в журнале «Интеграция образования».

Главный редактор

Д. Е. Глушко

УДК 37.034

DOI:

Обзорная статья

Как измерить духовность?

Обзор новых методик исследования духовности

А.О. Блинкова

Российский государственный педагогический университет им. А.И.

Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация

alexandrablinkova@gmail.com

Аннотация

Введение. Несостоятельность универсализма теории секуляризации и рост присутствия религии в общественной жизни привели к появлению новой парадигмы в социологии религии, согласно которой религия не теряет своего социального значения, а трансформируется и видоизменяется. Происходит дифференциация религиозности и духовности, где последняя зачастую выступает как более широкий конструкт, включающий в себя понятие религиозности. Цель статьи – уточнить понятие «духовность», широко используемого в образовательной среде, с точки зрения новых представлений в социологии и психологии религии и представить некоторые из новейших зарубежных методик, используемых в исследовании духовности студенческой молодежи.

Материалы и методы. Данная статья представляет аналитический обзор некоторых из новейших подходов и шкал, опубликованных в издании «Измерение духовности в многоликом мире» под редакцией Э.Л. Ай, П. Винка и др. в 2021 г., которые представляют особый интерес для дальнейшего применения данных методов в комплексном изучении духовности студенческой молодежи.

Результаты исследования. Проанализированы три из новейших подходов к исследованию духовности, включающих исследование «новой» духовности; (не)духовности/(не)религиозности; духовности как части смысла жизни. В ходе анализа выявлены потенциальные слабые и сильные стороны представленных инструментариев.

Обсуждение и заключение. Обзор новейших зарубежных теорий и методик в исследовании духовности, развивающихся в рамках социологии и психологии религии, вносит вклад в междисциплинарный обмен знаниями, приглашая исследователей из других гуманитарных областей к апробации имеющихся зарубежных методик на российском контексте.

Ключевые слова: духовность, религиозность, социология религии, психология религии, студенческая молодежь.

Финансирование: статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 21-011-44224 «Факторы формирования социокультурной идентичности студентов в условиях поликонфессиональности: теологический и психолого-педагогический подходы».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования:

Review article

How to measure spirituality?

Review of new methodologies in the research of spirituality

A.O. Blinkova

Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation

alexandrblinkova@gmail.com

Abstract

Introduction. Inconsistency of the universal character of the theory of secularisation and the increasing presence of religion in social life has resulted in a

new paradigm in sociology of religion, according to which religion has not been losing its social significance but has been transforming. Religiousness and spirituality are being differentiated, with the latter often being a wider construct that also includes religiousness. This article aims to specify the notion of 'spirituality', widely used in educational field, within new paradigms in sociology and psychology of religion and present some of the recent western methodologies for research of student youth's spirituality.

Material and Methods. The article presents an analytical review of some of the new approaches and measuring scales published in «Assessing Spirituality in a Diverse World» in 2021 under the editorship of A.L. Ai, P. Wink et al. These scales are specifically interesting for the further application of the methods to multidimensional research of students' spirituality.

Results. The analysis of three of the most recent approaches in the study of spirituality includes research of 'new' spirituality, (non)religiosity/(non)spirituality, and spirituality as an aspect of meaning in life. The analysis shows potential strengths and weaknesses of the showcased measuring instruments.

Discussion and Conclusion. Review of the recent western theories and methodologies in the study of spirituality, developing within the field of sociology and psychology of religion, enriches interdisciplinary knowledge exchange and invites researches from other fields of humanities to test existing western methodologies in Russian context.

Keywords: spirituality, religiosity, religiousness, sociology of religion, psychology of religion, student youth

Funding: The article was prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project №. 21-011-44224 «Factors of the formation of students' socio-cultural identity in the context of polyconfessionalism: theological and psychological-pedagogical approaches».

The author declares no conflict of interest.

For citation:

Введение

Процессы секуляризации в странах Западной Европы и уменьшение роли институциональной религии в жизни европейцев, породив теорию секуляризации (Т. Парсонс, ранний П. Бергер, Т. Лукман и др.) [1], называемую также «старой парадигмой» [2], занимающую главенствующее положение в социологии религии на протяжении последних ста лет, на долгое время исключили религиозный фактор из поля зрения социальных наук, превратив его в пережиток прошлого. Однако, несостоятельность универсализма теории секуляризации и рост присутствия религии в общественной жизни в том числе в странах Западной Европы (преимущественно за счет иммигрантов из мусульманских стран), привели в начале XXI в. к появлению «третьей парадигмы¹» в социологии религии (Л. Вудхед, Г. Дэви, П. Хилас, и др.), согласно которой религия не теряет своего социального значения, а трансформируется и видоизменяется в процессе духовного поворота, «исторического перелома» (П. Ван дер Веер) [3]. Основным методологическим фокусом становятся не социальные процессы и группы индивидов, а социальные и символические отношения, в которых религия выступает не определенной культурной или общественной формой, а социальным конструктом [4]. Таким образом, происходит дифференциация религиозности и духовности, где последняя уже не является обязательным проявлением первой, а включает в себя более широкий спектр взглядов, выходящих за пределы религиозной традиции [5].

На протяжении последних тридцати лет социология и психология религии активно развиваются на западе, привлекая в то же время неевропейских исследователей из различных гуманитарных областей знания,

¹ «Новая» или вторая парадигма была вдохновлена американским контекстом с его религиозным рынком. В рамках «новой парадигмы» упадок религиозности объясняется рыночными механизмами. См.: Warner R.S. Work in Progress Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 98. P. 1044-1093.

обращающих внимание на связь религии и духовности с общим благосостоянием (wellbeing) и «духовным здоровьем», функционированием личности, социальными отношениями и поведением среди представителей различных групп, в том числе студенческой молодежи [6–8]. Студенческий возраст привлекает к себе особое внимание в исследованиях духовности, поскольку является важнейшим периодом для понимания духовного и религиозного вовлечения молодежи [9]. Один из первых трудов по психологии религии под авторством Э. Старбака (1899), в котором он опубликовал результаты изучения развития религиозной жизни людей и периода их религиозного «пробуждения», обращает внимание на то, что период юношества является тем временем жизни, когда индивид наиболее склонен к вовлечению в религиозную жизнь, религиозному пробуждению [10].

Рецепция зарубежного опыта исследования религиозности и духовности практически не находит отклика у российских исследователей за исключением ограниченного числа теоретических и эмпирических работ [11–14]. Рассмотреть весь имеющийся зарубежный опыт последних лет, посвященный изучению религиозности и духовности, в рамках одной статьи не представляется возможным. Целью данного исследования является краткий обзор существующих новейших определений духовности, а также некоторых из подходов и конкретных шкал измерения религиозности и духовности, опубликованных в 2021 г. в авторитетном издании «Измерение духовности в многоликом мире» под редакцией Э.Л. Ай, П. Винка и др. [15], которые, по мнению автора, представляют особый интерес для дальнейшего применения данных методов в комплексном изучении духовности российского студенчества.

Обзор литературы

В раннехристианской церкви понятие духовность совершенно отличалось от его современного использования. Духовность была частью

теологии, которая имела дело с «христианским совершенствованием», достигаемым путем согласования воли с действием благодати [16]. Духовность выступала сферой жизни, которая порождается и вдохновляется Богом, прежде всего будучи связанной с его активным присутствием в жизни человека, нежели с личным внутренним опытом [17-19].

В отличие от христианской онтологии с трансцендентным преждедущим Богом, современные голландские социологи религии Д. Хутман, П. Хилас и П. Ахтерберг рассматривают «новую духовность» как наличие «постоянной нетеистической силы («энергии», «жизненной силы», «силы», «природы», «витальности», «страсти», «жизни» и т.д.)» [20], в которой сакральное воспринимается как имманентное и, следовательно, присущее этому посюстороннему миру. Иными словами, принадлежавшая ранее трансцендентному, «новая» духовность концентрируется на самом человеке, проистекая из осознания им своего существования и опыта внутренних переживаний, которые задают цель, смысл и ценность жизни. Таким образом, традиционные проявления религиозности рассматриваются как «вторичные», по причине «неизбежного искажения» понимания сакрального вследствие интерпретации, перевода, манипуляции и т.п. Первичными же методами познания сакрального выступают «чистое сознание, осознанность, восприятие, чувствование, понимание («ухватывание смысла» путем чувственного восприятия), интуиция, иногда внутреннее «чувствование» или «слышание» [20].

В 2018 г. вышло издание «Измерение духовности/религиозности» известного журнала «Религии» (*Religions*), собравшего воедино статьи 2017-2018 гг., посвященные в основном исследованию религиозности и/или духовности в клинических условиях, в котором авторы Остин Ф., Макдоналд Дж. и МакЛеод Р. разводят инструментарии, измеряющие религиозность и духовность следующим образом. Измерение религиозности включает в себя приверженность вероучению, доктрине, этике, ритуалам, текстам и практикам, ассоциируемым с высшей силой. Тогда как в духовность входят

внутренний опыт и переживания, через призму которых человек внутренним образом пытается обрести смысл и цель своего существования, а также определяет отношение к самому себе, семье, другим людям, обществу, природе и священному или значимому [21]. Тем не менее не во всех культурах отношение индивида к священному приписывается области духовности. Так, например, студенты Юго-Восточной Азии скорее соотносят понятие священного с религией, нежели с духовностью [22]. Некоторые определения сакрального, встроенные в традиции восточных религий, могут быть проинтерпретированы западным взглядом как секулярные и даже атеистические [23].

Иными словами, как не существует единого определения религии, так и духовность является многомерным понятием. При этом, некоторые исследователи категорично разводят религиозность с духовностью, настаивая на том, что духовность как неотъемлемое качество природы человека предшествует религиозности [24], а также может значительно отличаться от нее, поскольку религия – продукт человечества, а духовность есть его врожденное качество [25]. Однако другие исследователи не видят противоречия между религиозностью и духовностью и говорят об их переплетении, где духовность зачастую выступает шире институциональной религии² [26], либо где религия трактуется как более всеобъемлющее понятие, «необязательно подразумевающее под собой веру в Бога, богов, духов, но отсылающее к опыту сакрального, и, следовательно, относящееся к идеям бытия, смысла и истины» [27], подчеркивая субъективный и индивидуальный аспекты религиозного опыта.

В российской академической мысли понятие духовности, став одним из наиболее популярных терминов как в педагогической, так и в социологической и психологической литературе последних лет, является настолько размытым концептом, что зачастую включает в себя взаимоисключающие понятия, зачастую выходящие за рамки научности [28].

² Религия есть только один из вариантов путей понимания и достижения духовности.

Так, в 2014 г. исследовательский коллектив Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета выпустил обзорную статью [29], в которой авторы обозначили наиболее распространенные смыслы, вкладываемые в понятие духовности в современной российской научной литературе, а именно: духовность как вечные, общечеловеческие ценности, лежащие в основе нравственности, которые не сводятся к религиозности; духовность как религиозное чувство, как правило, рассматриваемое в контексте православного вероучения; духовность как преодоление личной ограниченности и саморазвитие; духовность как формальная образованность, включающая в себя также творчество; духовность как проявление патриотизма, который толкуется в понятиях нравственности, как «высшая ступень процесса духовно-нравственного развития личности россиянина» [30]; духовность или бездуховность как нравственный кризис современного общества, требующий возвращения к традиционным духовным ценностям; духовность как недостижимый ностальгический идеал образовательного и политического процесса, лишенный какой-либо конкретики.

Такое разнородность смыслов, вкладываемых в понятие духовности, подтверждает тезис П. Хиллса о том, что религия и духовность являются «культурными переменными», которые трансформируются в процессе культурных изменений, а также, в процессе кросс-культурного применения исследовательских наработок [31]. В зависимости от того, насколько инклюзивно исследователь определяет понятие религиозности и духовности, насколько он их дифференцирует, в объект исследования включаются или не включаются те или иные аспекты религии и духовности, которые касаются отношения, поведения и идентичности.

Традиционно социология религии определяла уровень религиозности согласно установленному набору переменных: главный признак религии – вера в Бога или в сверхъестественное [32]; главные признаки религиозности – религиозное сознание и религиозное поведение, то есть исполнение предписанных религиозных практик [33]: чтение молитв, денежные

пожертвования религиозным институтам и т.д. Иными словами, традиционный набор переменных состоял по большей мере из того, что можно объективно посчитать, закрывая глаза на возможность существования нетрадиционных или новых форм религиозности и духовности. При этом вера в Бога изначально измерялась номинально, а именно возможными ответами на вопрос о вере в Бога были лишь «да» и «нет». Таким образом, многие аспекты духовной жизни человека, находящиеся за пределами институциональной религии, направленной на выполнение социальной функции, не попадали в поле изучения религии.

Благодаря переосмыслению места и проявления религии в современном мире и введению в научный оборот понятия духовности, которое не противоречит понятию религиозности, но переплетается с ним, часто подменяясь такими терминами как «живая религия» (lived religion, Н. Аммерман), «непривязанная религия» (unattached religion, Г. Дэви), «неопределенная религиозность» (fuzzy fidelity, Д. Воас), «новая духовность» [34] и др., предмет исследования социологии религии вновь расширился, открыв огромные возможности для будущих исследований.

Материалы и методы

В области психологии и социологии религии и духовности нет единой доминирующей парадигмы. Напротив, эта область характеризуется исключительным многообразием концепций, теорий, методов и измерений [35]. Замерить религию или духовность в принципе невозможно. Единственно возможным является измерение переменных, которые представляют различные аспекты определенных религий или духовностей.

Существует множество шкал, направленных на измерение духовности и/или религиозности. Так, труд «Измерение религиозности» [36], опубликованный в 1999 г. под редакцией П. Хилла и Р. Худа, представляющий собой справочник-компендиум по всем имеющимся на тот момент шкалам, насчитывает 17 различных категорий измерения

религиозности, состоящих из 126 шкал, 2 из которых посвящены измерению духовного здоровья. Однако, огромный минус таких шкал состоит в том, что они направлены на изучение мейнстримного проявления религиозности и духовности, то есть духовности в рамках институциональной религии. В современном мире, где, к примеру, все больше американцев ассоциируют себя с «духовными, но не религиозными», как правило, относя себя так же к «религиозно неаффилированным»³, или российские респонденты, относящие себя к православным верующим (56%) [37], но при этом не считающими веру в Бога одним из своих ценностных приоритетов (27%) [37], трансформация понятий религиозности и духовности требует поиска новых работающих методов измерения, способных охватить новые внеинституциональные проявления духовности.

Объектом данного исследования являются новейшие подходы к изучению духовности и инструменты ее измерения, апробированные на представителях студенческой молодежи. Материалами для аналитического обзора послужили статьи, представленные в издании «Измерение духовности в многоликом мире» [15], где каждая глава посвящена определенному теоретически обоснованному методу измерения религиозности/духовности, встроенного в общий контекст исследования религиозности/духовности в современной психологии и социологии религии. Автором были отобраны измерительные шкалы внутри трех различных подходов в исследовании духовности, а именно: подход к духовности как отличной от институциональной духовности; исследование нерелигиозной духовности; взгляд на духовность как на один из основных аспектов, конструирующих понятие смысла жизни. Полученные материалы были обработаны с помощью классических методов научного исследования: описательного, аналитического, логического, метода сравнительного анализа.

³ Pew Research Center 2017, doi: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/06/more-americans-now-say-theyre-spiritual-but-not-religious/>.

Результаты исследования

- Измерение «новой духовности»

Социологи религии Д. Хутман и П. Тромп спроектировали шкалу Постхристианской духовности (Post-Christian Spirituality Scale, PCSS), ориентированную на измерение духовности в отрыве от христианского понимания религиозного авторитета, который более не рассматривается как превосходящий в сравнении с другими религиозными традициями [38]. Это значит, что данный инструмент может использоваться не только на респондентах с христианским бэкграундом, а слово «постхристианская» имеет скорее отношение к европейскому религиозному контексту.

Постхристианская духовность подходит к категории сакрального как к «размытому духу или жизненной силе, которые пронизывают и объединяют все мироздание и которые могут быть познаны только через личный опыт, что влечет за собой отрицание внешних источников религиозного авторитета как необоснованных» [38]. Такой вид духовности невозможно измерить традиционными способами, так как мы имеем дело с мировоззрениями, разделяемыми представителями как религиозных, так и нерелигиозных сообществ. Соответственно постхристианская духовность не может быть определена в терминах членства, приверженности определенному религиозному/духовному сообществу и исполнении определенного набора практик.

Несмотря на то, что многие исследователи называют неограниченную свободу в построении собственной духовной идентичности феноменом «лоскутной религиозности» (patchwork religiosity) [39] или «шведским столом» (salad bar) [40], представляющим собой синтез различных элементов религиозных традиций, которым отдается предпочтение, Д. Хутман и П. Тромп настаивают на том, что все эти представления, насколько бы разнородными они ни были, имеют под собой общие основания, которые, в свою очередь, позволяют взглянуть на постхристианскую духовность как на

целостное «экзистенциально межконфессиональное» [41] представление о мире и о своем месте в нем.

Согласно авторам концепции, постхристианское духовное мировоззрение состоит из семи компонентов, логически переплетающихся между собой: 1) перенниализм: все религии равнозначны, так как являются проявлением божественного и происходят из одного универсального духовного источника, тогда как особенности каждой из них привнесены самим человеком и отвлекают от самого главного – вовлечения в личный контакт с сакральным; 2) бриколаж: способ свободного обращения к разным религиям и их элементам, который непосредственно подходит конкретному человеку; 3) размытие и имманентность сакрального: сакральное как безликий дух, энергия или жизненная сила всегда присутствует в мире и космосе; 4) холизм: вездесущий дух, энергия, жизненная сила связывает все со всем в этом мире и космосе (Вселенной); 5) «живость» космоса: космос живой и находится в постоянном процессе изменения и эволюции, ему не противопоставляется область сакрального, так как она пронизывает его; 6) «самодуховность»: сакральное помещается внутри самого человека, а не вне его, «человек по своему существу является духовным» [42], поэтому отрицая религиозные авторитеты, следует прислушиваться к собственному внутреннему голосу как к проявлению сакрального внутри себя; 7) экспериментальная эпистемология: акцент на опыте и эмоциях как эманации духовного «я» внутри личности на пути постижения истины, истинного знания [38].

В соответствии с этими семи компонентами, составляющими понятие постхристианской духовности, предложенная шкала насчитывает семь утверждений, каждое из которых оценивается по пятизначной шкале Лайкерта (Likert-type scale). Несмотря на то, что PCSS не направлена напрямую на исследование духовности молодежи, она непременно может быть использована на данной выборке. Однако необходимо учитывать то, что именно респонденты в возрасте от 15 до 24 лет наиболее склонны уходить от

ответа, выбирая опцию «не знаю» [38]. Следовательно, при использовании данной шкалы на студентах желательно продумать стратегию для снижения уровня недействительных ответов.

Сильная сторона PCSS, на наш взгляд, состоит в том, что религиозность и духовность не противопоставляются. Благодаря этому, шкала способна «измерить» духовность как тех респондентов, которые относят себя к религиозно аффилированным, так и тех, кто не является членом определенной религиозной традиции. Однако, все же в первую очередь шкала направлена на выявление трансформации духовности в среде религиозных респондентов, тогда как респонденты, чье понимание духовности, не имеет под собой религиозных оснований, остаются вне фокуса исследования. К слабым сторонам шкалы также стоит отнести довольно размытые формулировки утверждений, которые непременно необходимо адаптировать под российский контекст, а также чрезмерная краткость самой шкалы. Несмотря на это, нам видится эффективным использование PCSS в качестве подготовки к более глубоким эмпирическим методам анализа, например, глубинным интервью, а также включения PCSS в другие шкалы, направленные на исследование разных аспектов духовности.

- Исследование (не)религиозности/(не)духовности

Еще в 1999 г. П. Хилл и Р. Худ мл. высказали мысль, что «не существует единого измерения, которое может обоснованно оценить, насколько религиозными/нерелигиозными и духовными/недуховными считают себя респонденты вне зависимости от того, определяют ли они сами себя как религиозными, духовными, или же ни тем, ни другим» [36]. При этом необходимо отметить, что намеренное использование термина «недуховный» в данном контексте обусловлено тем значением, которое в него вкладывается, а именно как противоположное термину «духовный», в отличие от «бездуховный», который определяется в Толковом словаре С. И. Ожегова как «лишенный интеллектуального, духовного содержания» [43].

В то время как многие шкалы пытаются уловить различные аспекты духовности, Т. Дж. Коулман третий и Дж. Йонг посвятили отдельную главу исследованию феномена нерелигиозности/бездуховности, который охватывает намного больше, чем элементарное отрицание религиозной веры, и может охватывать целый комплекс представлений в отношении вечных жизненных вопросов, в основании которых могут лежать как научные убеждения, так и нерелигиозная духовность, включающая в себя чувства благоговения и удивления перед природным миром или чувство близости с миром и человечеством [44].

По мнению авторов, проблема большинства существующих шкал религиозности и духовности, спроектированных психологами, состоит в том, что они изначально направлены на изучение религиозных людей, как в случае с PCSS. Поэтому с помощью большинства существующих шкал можно выяснить лишь личностные мотивации религиозности и духовности респондентов и изменения их взглядов со временем, что практически не работает при исследовании нерелигиозного и недуховного населения.

Несмотря на это, за последние десятилетия появились шкалы, разработанные для изучения феномена светского проявления религиозности и духовности, которые могут быть полезными при изучении мировоззрения студентов. Хорошим примером служит «НеРелигиозная-НеДуховная» шкала (NonReligious-NonSpiritual Scale, NRNSS), спроектированная специально для различения (не)религиозности и (не)духовности на основании связи (не)религиозности с институциональной религиозностью и (не)духовности с внеинституциональными личностными мировоззрениями. NRNSS состоит из 17 вопросов, оцениваемых респондентами по пятибалльной шкале Лайкерта и была апробирована на студенческой выборке со средним возрастом 21 год.

Хотя данная шкала опять же, в первую очередь, фокусируется на исследовании степени религиозности и духовности, нежели степени нерелигиозности и недуховности, она оказывается очень полезной при изучении последних, будучи способной уловить характеристики «духовных,

но не религиозных» респондентов, а также религиозной веры в сверхъестественное, которое определяется как «Бог, боги, высшие силы, священные области или миры, чудеса, телепатия» [45]. Более высокая сумма баллов по шкале отрицательно коррелирует с различными отдельными измерениями традиционной религиозности и религиозной морали и позитивно с измерениями светской морали. Однако, среди респондентов, набравших низкие баллы и соответственно попавших в одну категорию, могут быть как атеисты, так и гуманисты или неопределившиеся верующие, и шкала не позволяет отделить одних от других.

Авторы также приводят пять новейших шкал для изучения нерелигиозности/бездуховности, которые включают в себя две шкалы посвященных исследованию дискриминационного отношения к атеистам (Measure of Atheist Discrimination Experiences, MADE; Microaggressions Against Non-Religious Individuals Scale, MANRIS); шкалу обоснованности неверия в существование Бога (Reasons of Atheists and Agnostics for Nonbelief in God's Existence Scale, RANGES), которая рассматривает феномен неверия с разных сторон, позволяя обнаружить различные его проявления; шкалу измерений секулярности (Dimensions of Secularity, DoS), валидность которой довольно противоречива на данный момент и требует дальнейшей апробации; а также шкалу гуманизма (Humanism Scale, H-Scale), косвенно затрагивающую аспекты нерелигиозного/недуховного мировоззрения.

Для исследования российской студенческой молодежи в возрасте от 18 до 24 лет, высокий процент которой не отождествляет себя с религиозными⁴, представляется особенно интересным апробация шкалы измерения дискриминационного опыта среди атеистов и его корреляции с духовным здоровьем студентов. Если более высокий уровень духовности у студентов связывается исследователями с более низким уровнем психологического стресса и более высоким уровнем «духовного» здоровья, будут ли атеистические представления студентов ассоциироваться с более вероятными

⁴ ВЦИОМ 2019, DOI: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pravoslavnaya-vera-i-tainstvo-kreshheniya>.

проявлениями депрессивных симптомов, а также более низкого качества жизни?

- **Подход к духовности как части смысла жизни**

Различные элементы духовности, включая религиозность, зачастую являются неотъемлемыми составляющими индивидуальной картины смысла жизни, который в свою очередь часто оказывается важным компонентом духовного здоровья и качества жизни, влияющего на удовлетворенность жизни, качество сна, постоперационное восстановление, уровень тревоги, суицидальные настроения и т.д. [46]. Исследования показывают, что духовный смысл жизни играет особо важную роль в ситуациях, связанных со смертельными болезнями и потерей близких [47–49]. В исследованиях молодежи так же было обнаружено, что духовность в качестве внутренней религиозности (*intrinsic religiosity*) наиболее позитивно оказывается связана с установками смысла жизни, нежели внешняя, институциональная религиозность [50].

Современные исследования сводят определение смысла жизни к трем аспектам: понимание собственной жизни (чувство связности в салютогенетической парадигме А. Антоновского [51]), цель жизни (чувство направленности), значимость (осознание значимости и ценности своей жизни). На основе этой трехчастной модели Л. Джорджем и К. Парком была разработана Многомерная шкала измерения экзистенциального смысла (*Multidimensional Existential Meaning Scale, MEMS*) для выявления более определенных связей между каждым из аспектов с общим духовным здоровьем, которое как правило измеряется на основании одномерных шкал, что не позволяет проследить вклад каждого из компонентов. Одной из гипотез авторов при конструировании шкалы была связь аспекта значимости смысла жизни с ее духовной составляющей, так как именно она зачастую наделяет жизнь более глубоким смыслом. Апробация шкалы проходила в три этапа на студенческой выборке со средним возрастом студентов 19 лет.

Стоит отметить, что MEMS может считаться одной из наиболее тщательно сконструированных шкал, представленных во всем сборнике. Чтобы прояснить необходимость трехмерной шкалы, авторы протестировали ее в сравнении с существующими одномерными шкалами такими, как Опросник смысла жизни (Meaning in Life Questionnaire, MLQ), шкала позитивного и негативного аффекта (Positive and Negative Affective Schedule, PANAS), шкала ежедневного духовного опыта (Daily Spiritual Experiences subscale, DSES), шкала ясности «Я-концепции» (Self-Concept Clarity Scale) и др. Валидизация шкалы показала, что каждый из аспектов смысла жизни имеет уникальную прогностическую значимость, а гипотеза о тесной связи значимости жизни с духовностью подтвердилась: именно по шкале значимости респонденты набрали наибольшее количество баллов, связанных с переживанием божественного присутствия в их жизни, а также с восприятием своего тела как священного. Однако, ученые из университета Сассекса в лонгитюдном исследовании данной шкалы на студенческой выборке, подтвердив гипотезу о том, что именно чувство значимости выступает наиболее постоянным и важным элементом в восприятии респондентами своей жизни как имеющей смысл, пришли к заключению, что данная переменная не зависит от переживания сакрального в жизни человека и может быть совершенно светского характера (иметь значение для близких или будущих поколений) [52].

В отличие от шкалы постхристианской духовности, многомерная шкала смысла жизни представляется наиболее универсальной для межкультурных и внеконфессиональных исследований духовности. Особенно интересным становится влияние специфического культурного контекста на смысл жизни. Как принятые культурные нормы, ценности и убеждения отражаются на личностной дефиниции смысла жизни.

Обсуждение и заключение

В рамках данной статьи невозможно осветить все новейшие подходы к измерению религиозности и духовности, представляющие интерес для исследования духовности студенческой молодежи. Тем более, что количество новых инструментов измерения и новых теоретических подходов к изучению духовности стремительно растет, что, в свою очередь, требует более широкой апробации предложенных методик на представителях разной культуры. Один и тот же ответ респондента из высоко секуляризованных стран Западной Европы и респондента из традиционно религиозной страны может иметь совершенно разное прочтение. Поэтому при конструировании вопросов и применении уже готовых шкал измерений необходимо учитывать культурный бэкграунд респондентов и адаптировать шкалы к соответствующему контексту.

К моменту написания статьи ни одна из рассмотренных шкал не была переведена на русский язык и апробирована на русских респондентах. Отечественные социологи продолжают рассматривать религиозность и духовность только в качестве институциональной религиозности, не обращая особого внимания на религиозность/духовность студенческой молодежи. Включение подходов к духовности, позволяющих взглянуть на нее как на многогранное понятие, позволит не только получить новые данные о взглядах на духовность в студенческой среде, но также проследить влияние духовности на «духовное здоровье» студентов необходимое для их гармоничного развития и успешного преодоления стрессовых ситуаций в не самый простой период жизни, порой связанный с кардинальными переменами. Для этой цели нам кажется необходимым обратить особое внимание на подход к духовности как к одному из аспектов смысла жизни человека и связанную с ним многомерную шкалу измерения экзистенциального смысла (MEMS). Позитивная корреляция духовности как смысла жизни с духовным здоровьем откроет новые перспективы как для исследователей религии, так и для психологов и педагогов, непосредственно работающих со студентами.

Список использованных источников

1. Узланер Д. Конец религии? История теории секуляризации. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 240 с.
2. Warner R.S. Work in Progress Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 98. P. 1044-1093. doi: <https://doi.org/10.1086/230139>
3. Van der Veer P. Spirituality in Modern Society // *Social Research*. 2009. Vol. 76, issue 4. P. 1097 – 1120. doi: <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691128146.003.0002>
4. Woodhead L. Old, New, and Emerging Paradigms in the Sociological Study of Religion // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2009. Vol. 22, issue 2. P. 103 – 121. doi: <https://doi.org/10.18261/ISSN1890-7008-2009-02-01>
5. Heelas P., Woodhead L. *The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality*. Oxford, UK: Blackwell, 2005. 224 p.
6. Adams T.B, Bezner J.R, Drabbs M.E, Zambarano R.J, Steinhardt M.A. Conceptualization and measurement of the spiritual and psychological dimensions of wellness in a college population // *Journal of American College Health*. 2000. No. 44. Pp. 165–173. doi: <https://doi.org/10.1080/07448480009595692>
7. Dennis D, Muller S.M, Miller K, Banerjee P. Spirituality among a college student cohort: a quantitative assessment // *American Journal of Health Education*. 2004. No. 35. Pp. 220–227. doi: <https://doi.org/10.1080/19325037.2004.10603645>
8. Salsman J.M, Brown T.L, Bretching E.H, Carlson C.R. The link between religion and spirituality and psychological adjustment: the mediating role of optimism and social support // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. No. 31. Pp. 522–535. doi: <https://doi.org/10.1177/0146167204271563>
9. King P.E., Boyatzis C.J. Exploring Adolescent Spiritual and Religious Development: Current and Future Theoretical and Empirical Perspectives // *Applied Developmental Science*. 2004. No. 8, issue 1. Pp. 2-6. doi: https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0801_1

10. Starbuck E.D. The Psychology of Religion: An Empirical Study of the Growth of Religious Consciousness. Cornell University Library, 1899. 423p.
11. Степанова Е.А. Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127 – 134. URL: https://religio.amursu.ru/images/Volumes/2011/1/2011_1.pdf (дата обращения: 09.09.2021)
12. Руткевич Е.Д. От «религиозности» к «духовности»: Европейский контекст // Вестник РУДН. 2014. Вып. 1. С. 5 – 25. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s2313-22720000616-4-1-ru-30/> (дата обращения: 13.09.2021)
13. Руткевич Е.Д. «Социология духовности»: проблемы становления // Вестник Института социологии. 2014. №. 9. С. 36 – 65. URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/270> (дата обращения: 13.09.2021)
14. Nartova-Bochaver S., Donat M, Rüprich C. Subjective Well-Being From a Just-World Perspective: A Multi-Dimensional Approach in a Student Sample // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01739>
15. Assessing Spirituality in a Diverse World / ed. by Ai L. A., Wink P., Paloutzian R.F., Harris K.A. Switzerland: Springer, 2021. 618 p.
16. Pourrat P. Christian Spirituality in the Middle Ages. London: Burns Oates and Washbourne Ltd, 1924. 356 p.
17. Nathan Ng. Spirituality and Theology. A Review and Perspective of Their Relationship // Theology. 2001. Vol. 104, issue 818. P. 115 – 122. doi: <https://doi.org/10.1177/0040571X0110400205>
18. Шмонин Д.В. О философии иезуитов, или «три крупницы золота в шлаке схоластики» // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 141–152.
19. Шмонин Д.В. Схоластическая образовательная парадигма в контексте исторических форм трансляции знания: к постановке проблемы // Вестник СПбГУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 32–37. URL:

<https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/3209/2966> (дата обращения: 06.12.2021)

20. Houtman D., Heelas P., Achterberg P. Counting Spirituality? Survey Methodology after the Spiritual Turn // *Annual Review of the Sociology of Religion*. 2012. Vol. 3. P. 25–44. doi: https://doi.org/10.1163/9789047429470_003

21. Austin P., Macdonald J., MacLeod R. Measuring Spirituality and Religiosity in Clinical Settings: A Scoping Review of Available Instruments. In: *Measures of Spirituality/Religiosity*. MDPI, 2018. P. 2–15. doi: <https://doi.org/10.3390/books978-3-03897-933-3>

22. Baring R., Sarmiento P.J., Sibug N., Lumanlan P., Bonus B., Samia C., Reysen S. Filipino College Students' Attitudes towards Religion: An Analysis of the Underlying Factors. In *Measures of Spirituality/Religiosity*. MDPI, 2018. P. 102–115. doi: <https://doi.org/10.3390/books978-3-03897-933-3>

23. Ai A.L., Wink P. Introduction. In: *Assessing Spirituality in a Diverse World*. Switzerland: Springer, 2021. P. 3–14. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>

24. Fahlberg L.L., Fahlberg L.A. Exploring Spirituality and Consciousness with an Expanded Science: Beyond the Ego with Empiricism, Phenomenology, and Contemplation // *American Journal of Health Promotion*. 1991. Vol. 5, issue 4. P. 273 – 281. doi: <https://doi.org/10.4278/0890-1171-5.4.273>

25. Chandler C., Holden J, Kolander C. Counseling for Spiritual Wellness: Theory and Practice // *Journal of Counseling and Development*. 1992. Vol. 71, issue 2. P. 168 – 175. doi: <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1992.tb02193.x>

26. Nolan P., Crawford P. Towards a Rhetoric of Spirituality in Mental Health Care // *Journal of Advanced Nursing*. 1997. Vol. 26. P. 289 – 294. doi: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.1997.1997026289.x>

27. Eliade M. *The Quest: History and Meaning in Religion*. The University of Chicago Press, 1969. 187 p.

28. Шмонин Д.В. «Толедские принципы» и теология в школе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 4. С. 72–88. doi: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-72-88>
29. Колкунова К.А., Малевич Т.В. Понятие «духовность» в современной российской литературе // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2014. Вып. 6. № 56. С. 72 – 88. doi: <https://doi.org/10.15382/sturI201456.72-88>
30. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / под ред. А.Я. Данилюк, А.М. Кондакова, В.А. Тишкова. М.: Просвещение, 2009. 29 с.
31. Hills P. Foreword. In: *Assessing Spirituality in a Diverse World*. Switzerland: Springer, 2021. P. vii – x. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
32. Ульянов Л.Н. Изменение характера религиозности / К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества). М., 1970. С. 160–188.
33. Кобецкий В.Д. Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1978. 118 с.
34. Marianski J., Wargacki S. New Spirituality as a New Social and Cultural Mega-Tendency // *Anglojęzyczny Suplement Przeglądu Religioznawczego*. 2012. No. 1. P. 19-39. URL: http://www.ptr.edu.pl/images/Suplement_ang/2012%20no.%201/2.%20Maria%20%84ski,%20Wargacki.pdf (дата обращения: 26.10.2021)
35. Pargament K.I., Exline J.J., Jones J. *APA Handbook in Psychology: APA Handbook of Psychology, Religion, and Spirituality: Vol. 1, Context, Theory, and Research*. Washington, DC: American Psychological Association, 2013. doi: <https://doi.org/10.1037/14045-000>
36. *Measures of Religiosity* / ed. by Hill P.C., Hood R.W., Jr. Birmingham, AL: Religious Education Press, 1999. 531 p.
37. Задорин И.В., Хомякова А.П. Религиозная самоидентификация респондентов в массовых опросах: что стоит за декларациями // *Полития*.

2019. № 3 (94). С. 161 – 184. doi: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184>
38. Houtman D., Tromp P. The Post-Christian Spirituality Scale (PCSS): Misconceptions, Obstacles, Prospects. In: *Assessing Spirituality in a Diverse World*. Switzerland: Springer, 2021. P. 35 – 57. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
39. Lähnemann J., Schreiner P. *Interreligious and Values Education in Europe*. Münster: Comenius Institut, 2008. 90 p.
40. Roof W.C. *A Generation of Seekers: The Spiritual Journeys of the Baby Boom Generation*. San Francisco, CA: Harper and Row, 1993. 304 p.
41. Nesbit E. Sikh Diversity in the UK: Context and Evolution. In: *Sikh in Europe: Migration, Identity and Representation*. Burlington, VT: Ashgate, 2011. P. 225–252. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315609096>
42. Heelas P. *The New Age Movement: The Celebration of the Self and the Sacralisation of Modernity*. Oxford, UK: Blackwell, 1996. 276 p.
43. Толковый словарь русского языка / под ред. Ожегова С.И. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.
44. Coleman T.J. III, Jong J. Counting the Nonreligious: A Critical Review of New Measures. In: *Assessing Spirituality in a Diverse World*. Switzerland, Springer, 2021. P. 87 – 116. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
45. Cragun R., Hammer J., Nielsen M. The NonReligious-NonSpiritual Scale (NRNSS): Measuring Everyone from Atheists to Zionists // *Science, Religion and Culture*. 2015. No. 2. P. 36–53. doi: <http://dx.doi.org/10.17582/journal.src/2015/2.3.36.53>
46. Park C.L., George L.S., Ai A.L. Measuring Three Distinct Aspects of Meaning in Life: The Multidimensional Existential Meaning Scale (MEMS). In: *Assessing Spirituality in a Diverse World*. Switzerland, Springer, 2021. P. 117 – 140. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
47. Pargament K.I., Koenig H.G., Tarakeshwar N., Hahn J. Religious Coping Methods as Predictors of Psychological, Physical and Spiritual Outcomes Among

Medically Ill Elderly Patients: A Two-Year Longitudinal Study // Journal of Health Psychology. 2004. No. 9 (6). P. 713-730. doi: <https://doi.org/10.1177/1359105304045366>

48. Bouso R.S., Serafim T., Misko M.D. The Relationship Between Religion, Illness and Death in Life Histories of Family Members of Children with Life-Threatening Diseases // Revista Latino- Americana de Enfermagem. 2010. No. 8(2). P. 156-162. doi: <https://doi.org/10.1590/s0104-11692010000200003>

49. MacConville U. Mapping Religion and Spirituality in an Irish Palliative Care Setting // Omega. 2006. Vol. 51, issue 1-2. P. 137-152. doi: <https://doi.org/10.2190/63PD-0FLJ-8CX5-LDTY>

50. Steger M.F., Frazier P., Oishi S., Kaler M. The meaning in life questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life // Journal of Counseling Psychology. 2006. Vol. 53. P. 80–93. doi: <https://doi.org/10.1037/0022-0167.53.1.80>

51. Осин Е.Н. Чувство связности как показатель психологического здоровья и его диагностика // Психологическая диагностика. 2007. № 3. С. 22-40. URL:

<https://rsfdgrc.hse.ru/data/2010/08/11/1224866483/%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BD%202007-3.pdf> (дата обращения: 20.09.2021)

52. Costin V., Vignoles V.L. Meaning is About Mattering: Evaluating Coherence, Purpose, and Existential Mattering as Precursors of Meaning in Life Judgments // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol. 118 (4). P. 864 – 884. doi: <https://doi.org/10.1037/pspp0000225>

REFERENCES

1. Uzlaner D. The End of Religion? A History of the Theory of Secularization. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 240 p. (In Russ.)

2. Warner R.S. Work in Progress Toward a New Paradigm for the Sociological Study of Religion in the United States // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 98. P. 1044-1093. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1086/230139>

3. Van der Veer P. Spirituality in Modern Society // Social Research. 2009. Vol. 76, issue 4. P. 1097 – 1120. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.23943/princeton/9780691128146.003.0002>
4. Woodhead L. Old, New, and Emerging Paradigms in the Sociological Study of Religion // Nordic Journal of Religion and Society. 2009. Vol. 22, issue 2. P. 103 – 121. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.18261/ISSN1890-7008-2009-02-01>
5. Heelas P., Woodhead L. The Spiritual Revolution: Why Religion is Giving Way to Spirituality. Oxford, UK: Blackwell, 2005. 224 p.
6. Adams T.B, Bezner J.R, Drabbs M.E, Zambarano R.J, Steinhardt M.A. Conceptualization and measurement of the spiritual and psychological dimensions of wellness in a college population // Journal of American College Health. 2000. No. 44. Pp. 165–173. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/07448480009595692>
7. Dennis D, Muller S.M, Miller K, Banerjee P. Spirituality among a college student cohort: a quantitative assessment // American Journal of Health Education. 2004. No. 35. Pp. 220–227. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/19325037.2004.10603645>
8. Salsman J.M, Brown T.L, Bretching E.H, Carlson C.R. The link between religion and spirituality and psychological adjustment: the mediating role of optimism and social support // Personality and Social Psychology Bulletin. 2005. No. 31. Pp. 522–535. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0146167204271563>
9. King P.E., Boyatzis C.J. Exploring Adolescent Spiritual and Religious Development: Current and Future Theoretical and Empirical Perspectives // Applied Developmental Science. 2004. No. 8, issue 1. Pp. 2-6. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.1207/S1532480XADS0801_1
10. Starbuck E.D. The Psychology of Religion: An Empirical Study of the Growth of Religious Consciousness. Cornell University Library, 1899. 423p.
11. Stepanova E.A. New Spirituality and Old Religions // Religious studies. 2011. № 1. P. 127 – 134. (In Russ.) URL:

- https://religio.amursu.ru/images/Volumes/2011/1/2011_1.pdf (accessed: 09.09.2021)
12. Rutkevitch E.D. From 'Religiosity' to 'Spirituality': The European Context // Vestnik RUDN. 2014. Vol. 1. P. 5 – 25. (In Russ.) URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s2313-22720000616-4-1-ru-30/> (accessed: 13.09.2021)
 13. Rutkevitch E.D. 'Sociology of Spirituality': Problems of Creation // Vestnik instituta sotziologii. 2014. №. 9. P. 36 – 65. (In Russ.) URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/270> (accessed: 13.09.2021)
 14. Nartova-Bochaver S., Donat M, Rüprich C. Subjective Well-Being From a Just-World Perspective: A Multi-Dimensional Approach in a Student Sample // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01739>
 15. Assessing Spirituality in a Diverse World / ed. by Ai L. A., Wink P., Paloutzian R.F., Harris K.A. Switzerland: Springer, 2021. 618 p.
 16. Pourrat P. Christian Spirituality in the Middle Ages. London: Burns Oates and Washbourne Ltd, 1924. 356 p.
 17. Nathan Ng. Spirituality and Theology. A Review and Perspective of Their Relationship // Theology. 2001. Vol. 104, issue 818. P. 115 – 122. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0040571X01110400205>
 18. Shmonin D.V. About Jesuit Philosophy, Or 'Three Grains of Gold in The Slag of Scholasticism' // Voprosy Filosofii. 2002. № 5. P. 141–152. (In Russ.)
 19. Shmonin D.V. The Scholastic Paradigm of Education in the Context of Historical Forms of Translating the Knowledge: Formulation of the Problem // Vestnik SPBGU. Series 17. Filosofii. Konfliktologii. Kulturologii. Religiovedeniie. 2013. № 2. P. 32–37. (In Russ.) URL: <https://philosophyjournal.spbu.ru/article/view/3209/2966> (accessed: 06.12.2021)
 20. Houtman D., Heelas P., Achterberg P. Counting Spirituality? Survey Methodology after the Spiritual Turn // Annual Review of the Sociology of Religion. 2012. Vol. 3. P. 25–44. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.1163/9789047429470_003

21. Austin P., Macdonald J., MacLeod R. Measuring Spirituality and Religiosity in Clinical Settings: A Scoping Review of Available Instruments. In: Measures of Spirituality/Religiosity. MDPI, 2018. P. 2–15. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/books978-3-03897-933-3>
22. Baring R., Sarmiento P.J., Sibug N., Lumanlan P., Bonus B., Samia C., Reysen S. Filipino College Students' Attitudes towards Religion: An Analysis of the Underlying Factors. In Measures of Spirituality/Religiosity. MDPI, 2018. P. 102–115. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.3390/books978-3-03897-933-3>
23. Ai A.L., Wink P. Introduction. In: Assessing Spirituality in a Diverse World. Switzerland: Springer, 2021. P. 3–14. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
24. Fahlberg L.L., Fahlberg L.A. Exploring Spirituality and Consciousness with an Expanded Science: Beyond the Ego with Empiricism, Phenomenology, and Contemplation // American Journal of Health Promotion. 1991. Vol. 5, issue 4. P. 273 – 281. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4278/0890-1171-5.4.273>
25. Chandler C., Holden J, Kolander C. Counseling for Spiritual Wellness: Theory and Practice // Journal of Counseling and Development. 1992. Vol. 71, issue 2. P. 168 – 175. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1002/j.1556-6676.1992.tb02193.x>
26. Nolan P., Crawford P. Towards a Rhetoric of Spirituality in Mental Health Care // Journal of Advanced Nursing. 1997. Vol. 26. P. 289 – 294. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.1997.1997026289.x>
27. Eliade M. The Quest: History and Meaning in Religion. The University of Chicago Press, 1969. 187 p.
28. Shmonin D.V. Toledo Principles and Theology in School // Gosudarstbo, Religiiia, Tserkov v Rossii i za rubezhom. 2017. Vol. 35. № 4. P. 72–88. (In Russ.) doi: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-4-72-88>
29. Kolkunova K., Malevich T. The Notion of Spirituality in Modern Russian Literature // Vestnik PSTGU. Seriiia I: Bogoslovie. Filosofiiia. Religiovedenie.

2014. Vol. 6. № 56. P. 72 – 88. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.15382/sturI201456.72-88>

30. Concept of Spiritual and Moral Development and Education of Russian Citizen's Personality / ed. by A. Danilyuk, A. Kondakov, V. Tishkova. Moscow: Prosvesheniie, 2009. 29 p. (In Russ.)

31. Hills P. Foreword. In: *Assessing Spirituality in a Diverse World*. Switzerland: Springer, 2021. P. vii – x. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>

32. Ulyanov L.N. Change of Religiosity Character / Towards Society Free from Religion (Process of Secularisation Within Socialist Society). Moscow, 1970. P. 160–188. (In Russ.)

33. Kobetzki V.D. Sociological Study of Religiosity and Atheism. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 1978. 118 p. (In Russ.)

34. Marianski J., Wargacki S. New Spirituality as a New Social and Cultural Mega-Tendency // *Anglojęzyczny Suplement Przeglądu Religioznawczego*. 2012. No. 1. P. 19-39. (In Eng.) URL: http://www.ptr.edu.pl/images/Suplement_ang/2012%20no.%201/2.%20Maria%C5%84ski,%20Wargacki.pdf (дата обращения: 26.10.2021)

35. Pargament K.I., Exline J.J., Jones J. *APA Handbook in Psychology: APA Handbook of Psychology, Religion, and Spirituality: Vol. 1, Context, Theory, and Research*. Washington, DC: American Psychological Association, 2013. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1037/14045-000>

36. *Measures of Religiosity* / ed. by Hill P.C., Hood R.W., Jr. Birmingham, AL: Religious Education Press, 1999. 531 p.

37. Zadorin I.V., Khomyakova A.P. Religious Self-Identification of Respondents in Mass Surveys: What Is Behind Declared Religiosity? // *Politia*. 2019. № 3 (94). P. 161 – 184. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-161-184>

38. Houtman D., Tromp P. The Post-Christian Spirituality Scale (PCSS): Misconceptions, Obstacles, Prospects. In: *Assessing Spirituality in a Diverse*

- World. Switzerland: Springer, 2021. P. 35 – 57. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
39. Lähnemann J., Schreiner P. Interreligious and Values Education in Europe. Münster: Comenius Institut, 2008. 90 p.
40. Roof W.C. A Generation of Seekers: The Spiritual Journeys of the Baby Boom Generation. San Francisco, CA: Harper and Row, 1993. 304 p.
41. Nesbit E. Sikh Diversity in the UK: Context and Evolution. In: Sikh in Europe: Migration, Identity and Representation. Burlington, VT: Ashgate, 2011. P. 225–252. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4324/9781315609096>
42. Heelas P. The New Age Movement: The Celebration of the Self and the Sacralisation of Modernity. Oxford, UK: Blackwell, 1996. 276 p.
43. Dictionary of the Russian Language / ed. by Ozhegov S.I. Moscow: Mir i obrazovaniie, 2011. 736 p. (In Russ.)
44. Coleman T.J. III, Jong J. Counting the Nonreligious: A Critical Review of New Measures. In: Assessing Spirituality in a Diverse World. Switzerland, Springer, 2021. P. 87 – 116. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
45. Cragun R., Hammer J., Nielsen M. The NonReligious-NonSpiritual Scale (NRNSS): Measuring Everyone from Atheists to Zionists // Science, Religion and Culture. 2015. No. 2. P. 36–53. (In Eng.) doi: <http://dx.doi.org/10.17582/journal.src/2015/2.3.36.53>
46. Park C.L., George L.S., Ai A.L. Measuring Three Distinct Aspects of Meaning in Life: The Multidimensional Existential Meaning Scale (MEMS). In: Assessing Spirituality in a Diverse World. Switzerland, Springer, 2021. P. 117 – 140. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-52140-0>
47. Pargament K.I., Koenig H.G., Tarakeshwar N., Hahn J. Religious Coping Methods as Predictors of Psychological, Physical and Spiritual Outcomes Among Medically Ill Elderly Patients: A Two-Year Longitudinal Study // Journal of Health Psychology. 2004. No. 9 (6). P. 713-730. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1359105304045366>

48. Bousso R.S., Serafim T., Misko M.D. The Relationship Between Religion, Illness and Death in Life Histories of Family Members of Children with Life-Threatening Diseases // Revista Latino- Americana de Enfermagem. 2010. No. 8(2). P. 156-162. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1590/s0104-11692010000200003>
49. MacConville U. Mapping Religion and Spirituality in an Irish Palliative Care Setting // Omega. 2006. Vol. 51, issue 1-2. P. 137-152. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.2190/63PD-0FLJ-8CX5-LDTY>
50. Steger M.F., Frazier P., Oishi S., Kaler M. The meaning in life questionnaire: Assessing the presence of and search for meaning in life // Journal of Counseling Psychology. 2006. Vol. 53. P. 80–93. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1037/0022-0167.53.1.80>
51. Osin Y.N. Feeling of Connectedness As a Marker of Psychological Health and Its Diagnostics // Psihologicheskaiia diagnostika. 2007. № 3. P. 22-40. (In Russ.) URL: <https://rsfdgrc.hse.ru/data/2010/08/11/1224866483/%D0%9E%D1%81%D0%B8%D0%BD%202007-3.pdf> (accessed: 20.09.2021)
52. Costin V., Vignoles V.L. Meaning is About Mattering: Evaluating Coherence, Purpose, and Existential Mattering as Precursors of Meaning in Life Judgments // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol. 118 (4). P. 864 – 884. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1037/pspp0000225>

Об авторе:

Блиноква Александра Олеговна, научный сотрудник Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде РГПУ им. А.И. Герцена (191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48), **ResearcherID:** W-3168-2019; **ORCID:** 0000-0001-7119-6475, alexandrablinkova@gmail.com

About the author:

Alexandra O. Blinkova, Research Assistant at the Centre on Preventing Extremism in the Sphere of Education and Among Youth, Herzen State Pedagogical University (47 Moika River Emb., Saint Petersburg 191186, Russian Federation), **ResearcherID**: W-3168-2019; **ORCID**: 0000-0001-7119-6475, alexandrablinkova@gmail.com